

В групповом чате из девяти человек образовалось три пары, и я всё время думал, в каком именно моменте кроется проблема. Неужели всё из-за того, что моя шея короче, чем у Лян Иня?

— Хао Доюй

8:32 утра.

Мать Мэн Мянью звали Фу Чэнью, а отца — Мэн Шигуан. Мэн Шигуан была альфа-женщиной, а Фу Чэнью — омега-женщиной, поэтому каждый раз, когда они праздновали Новый год у Мэн, Фу Синчэнь всегда оказывался тем, кто выполнял всю тяжёлую работу, несмотря на то, что Мэн Шигуан была выше него.

Мэн Шигуан была шеф-поваром, специализирующимся на западной кухне, и могла испечь милые десерты, похожие на кроликов, но она не умела лепить пельмени. Мэн Шигуан говорила, что если руки, которые готовят западную кухню, прикоснутся к китайской, то это уже не будет аутентично.

...

Чёрт возьми, — мысленно ругался Фу Синчэнь, нарезаая начинку, — вы что, не едите пельмени, когда меня нет?

Фу Синчэнь на самом деле совершенно не умел готовить, но у него было отличное владение ножом. Он мог рубить начинку двумя ножами одновременно, а огурцы резал так тонко, что это выглядело профессионально.

Но он не пробовал начинку.

Фу Синчэнь не то чтобы не умел пробовать, он просто отказывался есть сырое мясо.

Фу Цинчэнь зашла на кухню, взяла чашку и, зачерпнув пальцем, попробовала начинку:

— Добавь соли.

— Окей.

Чуть позже Мэн Шигуан зашла за сахаром и тоже попробовала:

— Добавь уксуса.

— Ты добавь, дядя, я не знаю, сколько нужно.

Мэн Шигуан дотронулась до лба Фу Синчэня, будто благословляя его, и сказала:

— Теперь знаешь.

...

Ещё через некоторое время Фу Чэнъи зашла на кухню за яблочным соусом и тоже попробовала:

— Эх, кисловато, добавь ещё сахара.

Я же говорил, что не знаю, сколько нужно.

— Тётя, добавь сама.

Фу Чэнъи посмотрела на него:

— Скажи «дядя».

...

Мэн Шигуан что, сдвинется с места? Она почти приросла к дивану!

Фу Синчэнь смиренно сам добавил сахар. Начинка для пельменей была из капусты и свинины. Фу Синчэнь не хотел есть сырое мясо, но сырую капусту мог попробовать. Он обмакнул кусочек капусты, причмокнул и решил, что можно добавить ещё соли.

Когда Мэн Мянъ зашла на кухню, чтобы «поддержать», Фу Синчэнь попросил её тоже попробовать. Мэн Мянъ лизнула кончик палочки... и на её лице появилась маска страдания.

— Папа! Быстрее сюда, Фу Синчэнь хочет нас убить! Папа! Что ты туда добавил?

Мэн Шигуан, великий шеф-повар, подошла. Великий шеф-повар взглянула на начинку и, оценив её вид, сказала:

— Это уже нельзя есть, Чэнъи, выбери для Фу Синчэня ещё кусок мяса.

Фу Синчэнь...

— Дядя, ты голоден? Может, закажем доставку?

— В канун Нового года заказывать доставку? Не торопись, я приготовлю немного саго, чтобы перекусить.

...Фу Синчэнь...

9:53 утра.

— Сяолэ, иди поклонись Великому Жёлтому Бессмертному, — бабушка И Цзялэ протянула ему две палочки благовоний.

— Дедушка уже поклонился?

— Он уже поклонился, — бабушка махнула рукой, словно одержала победу.

Дедушка из кухни громко сказал:

— Великий Жёлтый Бессмертный, какой величественный.

Дедушка И Цзялэ был профессором университета, преподавал высшую математику и всю жизнь был атеистом, а его бабушка была девушкой из деревни, с детства верившей, что её спас Великий Жёлтый Бессмертный. Каждый год или в дни поклонения Бессмертному у них происходил такой спектакль.

Дедушка чаще проигрывал, и его авторитет падал.

Родители И Цзялэ развелись, мать жила за границей, а отец обзавёлся новой семьёй. Любовь должна быть искренней, а без неё остаётся лишь обуза.

С шести лет И Цзялэ жил с бабушкой и дедушкой. Его отец был обременён своей новой семьёй, а мать редко приезжала, чаще звонила из-за границы. Два старика и один ребёнок — словно пустые гнёзда и оставленный ребёнок.

И Цзялэ не чувствовал, что ему чего-то не хватает. На самом деле, он согласился присоединиться к элитному классу двух школ отчасти из-за бабушки и дедушки.

Оба старика уже в возрасте, мать хотела забрать их к себе, но И Цзялэ тоже не хотел расставаться с бабушкой и дедушкой.

Поэтому И Цзялэ до сих пор не подписал контракт на поступление без экзаменов, так как, возможно, ему придётся уехать за границу, и в этом случае он будет сдавать гаокао как обычно.

И Цзялэ зажёл благовония и искренне произнёс несколько слов.

— Бабушка, я поклонился.

— Ты пожелал успехов в учёбе?

— Пожелал, пожелал, ещё пожелал здоровья и благополучия.

— Возвращайся, дедушка приготовил тебе карамель, съешь кусочек.

В их доме нельзя попрощаться с Великим Жёлтым Бессмертным, пока бабушка не разрешит.

И Цзялэ подпрыгивая побежал на кухню. Дедушка заворачивал карамель и тихо сказал:

— Не слушай её, наука — это главная производительная сила.

И Цзялэ хотел пожаловаться:

— Бабушка!

Дедушка тут же сунул ему в рот кусочек карамели.

...

11:08 утра.

Говорят, что величайшие мастера боевых искусств — это скромные монахи, подметающие пол, незаметные, но невероятно сильные. Фан Цинтин считала, что её отец ещё не достиг этого уровня.

Фан Е был высокомерным северянином, что проявлялось в его громком голосе. Её мама сказала, что продукты нужно покупать самые свежие, и Фан Е купил их в канун Нового года.

Атмосфера праздника уже не была той, что раньше, но в канун Нового года на рынке всё ещё было оживлённо. Фан Е обнял свою дочь за плечи и сказал:

— Там продают австралийских лобстеров, Тинтин.

— Ты же не умеешь их готовить.

— Просто спросим, — Фан Е потянул Фан Цинтин к прилавку.

Лобстеры были огромными, как экспонаты, выставленные в квадратных аквариумах.

Фан Цинтин подозревала, что все окружающие люди были подставными, так как эти лобстеры

были слишком большими. К тому же, зачем они продаются на овощном рынке, а не на рыбном?

Лобстеры сказали, что им так хочется.

Фан Е думал так же. Осмотрев лобстеров, он остался доволен их размерами:

— Хозяин, как их готовить?

Фан Цинтин почувствовала, что в момент, когда её отец заговорил, все «актёры» оживились. Наконец-то нашёлся простак.

— Готовьте на пару, как крабов. Или можете запечь, в интернете много рецептов, лобстеры готовить легко.

Правда? Фан Цинтин в душе не верила.

Фан Е указал на одного из лобстеров в аквариуме:

— Этот лобстер выглядит не очень бодрым.

Как только он это сказал, «актёры» начали своё выступление.

— Мне кажется, он очень активный.

— Неплохо, они даже лучше, чем на рыбном рынке. Я только что оттуда, там они меньше.

Фан Цинтин потянула отца за рукав:

— Мы пришли за грибами.

— Ничего, просто посмотрим.

Фан Цинтин не хотела при продавце критиковать лобстеров, поэтому мягко сказала:

— Может, потом зайдём на рыбный рынок?

— Мы можем купить и здесь.

...Не стоит.

Фан Цинтин не смогла остановить отца. Фан Е, как и его имя, особенно когда продавец предложил скидку в сто юаней. Каждый раз, когда Фан Е попадался на удочку, это начиналось с понижения цены.

...

12:17 дня.

Дом Лян Иня находился недалеко от дома Мэн Мянью, но это были совершенно разные места. Мэн Мянью жила в жилом комплексе «Солнечный дом», перед которым была Академия наук, а позади — квартал сыхэюаней.

Лян Инь жил в сыхэюане. Его бабушка была наследницей нематериального культурного наследия, мастером по созданию украшений из проволоки и инкрустации. Их сыхэюань также был мастерской. Три поколения жили вместе, и Лян Инь часто чувствовал, что истинное мастерство скрывается в городе.

Отец Лян Иня был учеником бабушки, а мать — стоматологом. Мастерство создания украшений из проволоки и инкрустации — это искусство, которое изучают всю жизнь, требующее терпения. Отец Лян Иня обладал духом истинного мастера.

Лян Ханьшэн в десять лет стал учеником бабушки, и они с матерью выросли вместе. Дочь, которую он сам вырастил, вышла замуж за его самого талантливого ученика. Жизнь Лян Ханьшэна не вписывалась в замкнутый круг общества.

Когда они закрывали ворота сыхэюаня, создавалось ощущение, что, несмотря на суету утренних и вечерних часов, в этом дворе всё вращалось вокруг золота, камней и огня.

Единственное, что огорчало, — это то, что Лян Инь, как и его мать, был неуклюжим.

Несколько месяцев назад мэр заказал у них изделие, и Лян Ханьшэн усердно работал над ним. Бабушка уже редко сама что-то делала, она писала иероглиф «счастье» на бумаге.

Лян Инь играл в игры в кабинете, его мама и дедушка готовили на кухне. Бабушка обладала аурой мастера, и иногда Лян Инь предпочитал обсуждать с ней некоторые вещи.

— Бабушка, ты знаешь, что в нашем классе есть самая красивая девочка?

— Не знаю.

— Теперь знаешь.

— Хорошо, что с ней?

— Она немного глуповата.

...

— Ты потом пойдёшь к ней?

Лян Инь задумался на мгновение:

— Нет, просто там будет много людей, и она тоже будет.

— Тогда будь осторожен, глупость заразна.

...

— Я силен духом.

— Не нужно быть слишком сильным, — бабушка положила кисть. — Не сиди тут, иди повесь иероглиф «счастье».

— Высохло? — Лян Инь немного боялся смотреть на бабушку, совсем чуть-чуть.

— Высохло.

В углу иероглифа «счастье» был нарисован цветок чернилами.

— Что это?

<http://bllate.org/book/15568/1385543>